

ИОН

ГЕРМЕС

Атлант, спиною медной мнуший небеса,
старинный дом богов, зачал с одной богиней
дочь Майю, а она властительному Зевсу
Гермеса родила – меня, слугу бессмертных.
В дельфийскую пришёл я землю. Это здесь,
на пуп земли садясь, издревле Феб для смертных
поёт пророчества о том, что есть и будет.
Так вот. В Элладе город есть небезызвестный,
златокопейной он Паллады носит имя.
Там Феб вступил насильно с дочкой Эрехтея,
Креусой, в связь, у взгорий северных, которых
в афинском государстве, под холмом Паллады,
цари аттические «Мáкрами» назвали.
Без ведома отца (так богу захотелось),
она ходила грузной, и, дождавшись срока,
от бремени в отцовом доме разрешившись,
ребёнка в тот же грот, где возлежала с богом,
Креуса отнесла, чтоб он и умер там,
в пустой корзине с безупречно круглым днищем.
Обычаю она последовала предков
и Эрихтония, рождённого землёю –
дочь Зевса рядом с ним поставила на стражу
двух змеев, поручая девам Аглавридам
ребёнка. Так у Эрехтид возник обычай
детей растить, надев им змеев златобитных
на шею. Цепь свою и девушка надела
на мальчика, его оставив умирать.
Но Феб, мой брат, ко мне пришёл с такою просьбой:
«Родной, иди к народу, взрослому из почвы,
в Афины славные (ты знаешь град богини),
младенца вытащи из углубленья в камне
и отнеси его в пелёнках, с колыбелью,
в святилище моё дельфийское, и там
пред храмом положи, у самого порога.
Об остальном (ведь это сын мой, понимаешь)
я позабочусь». Брату Локсию в угоду
плетёную корзину поднял я с ребёнком,
отнёс вот в этот храм, на верхние ступени,
и здесь оставил, крышку короба откинув
плетёную, чтоб на виду лежал малютка.
Случилось, что под кругом скачущего солнца
входя в оракул бога, жрица обратила
свои глаза к новорождённому младенцу,
дивясь, что девушка дельфийская посмела
подкинуть плод родильных мук в обитель бога,
и прочь от алтарей убрать его желая –
но перед жалостью жестокость отступила,

помог и бог дитя не выбросить из храма.
Она растит его, не зная, что посеял
ребёнка Феб, и мать ей тоже неизвестна,
и мальчик сам своих родителей не знает.
Он маленьким бродил и с алтарей питался,
игрою занят, а как только возмужал,
назначили его дельфийцы верным стражем
и золота, и всякой собственности бога,
и жил он в храме до сих пор достойной жизнью.
С течением времени мать юноши, Креуса,
за Ксуфа вышла замуж. Вот как это было:
залило и Афины, и Халкодонтид,
властителей Эвбеи, вóлнами сражений,
а Ксуф помог, и бился доблестно копьём,
и честь женитьбы на Креусе заработал,
хоть не был здешним, но Эола, сына Зевса,
ахейским сыном. Годы сеял он потомство,
но нет детей у них с Креусой. Потому-то
пришли они сюда, в оракул Аполлона,
молить о детях. Провиденьем правит Локсий.
Не так забывчив он, как может показаться.
Он в прорицалище явившемуся Ксуфу
даст собственного сына, объявив, что Ксуф –
отец его, чтоб мальчик в доме материнском
Креусой узнан был, и сохранилась в тайне
её связь с Локсием, и сын был узаконен.
Страны азийской основателя, Иона,
по всей Элладе будет имя называться.
А я отправлюсь в эту лавровую рощу
и буду наблюдать, что́ с юношей случится.
Мне кажется, уже сын Локсия выходит
места у храмовых дверей ветвями лавра.
Он будет наречён со временем Ионом,
и первый из богов так звать его начну я.

ИОН

Четверная блесит колесница!
Свет свой Гэлиос плещет на землю,
и от горнего пламени звёзды
убегают в священную темень.
Неприступные выси Парнаса
колесо ежедневное света
пропускают, сверкая, в мир смертных.
Дым от смирны невлажной клубится,
поднимается к Фебовым кровлям.
На божественнейший треножник
уж дельфиянка села, для греков
напевая слова Аполлона.
Вы же, Фебовы слуги, дельфийцы,
к серебристым круженьям кастальским

отправляйтесь и, чистой водою
там умывшись, в наш храм заходите.
Вы уста воздержаньем храните
и приличные речи
к посещающим этот оракул
языками своими слагайте.
Я же делом займусь, мне привычным
с детства раннего – ветками лавра
входы вымету Фебова храма
и венков принесу освящённых,
пол водой окроплю, птичьи стаи,
что вредят приношеньям почтенным,
обращу своим луком я в бегство.
Ведь без матери и без отца я,
потому и служу
в храме Феба, меня прокормившем.

Работай, свежезелёная служанка,
связанная из прекраснейшего лавра,
ты Фебов алтарь
метёшь под храмом,
принесённая из роц бессмертных,
где журчат священные воды,
неиссякаемым
потокком бегущие
к священной листве мирта!
Тобою мету я пол, принадлежащий богу,
и весь день, под быстрым крылом солнца,
служу, выполняя дневную работу.

О, Пэан! О, Пэан!
Благодатным, благодатным
да пребудешь ты, сын Латоны!

Хороший труд, о Феб,
я у входа в твой дом выполняю,
почитая обитель пророчеств.
Славен мой труд –
богам своею рукою служить,
не смертным людям, но богам бессмертным!
Благочестивые труды
выполнять не устану я!
Феб меня породил, это он мой отец,
и кормильца я славлю,
моего благодетеля отцом именуя,
Феба, властителя храма!

О, Пэан! О, Пэан!
Благодатным, благодатным
да пребудешь ты, сын Латоны!

Но прекращу я старанья
лавра, по полу влекомого,
из золотого сосуда выплесну
земную влагу,
истекающую
кастальскими водоворотами,
я текучую воду разбрызгаю,
восстав неосквернённым с ложа.
Так всегда бы Фебу
служить, не переставая,
а если перестать, то для славной доли!

А! А!
Летят уже птицы, покинув
ночлеги парнасские.
Говорю вам: не приближайтесь
к этим карнизам и домам раззолоченным!
Я и тебя из лука достану,
вестник Зевса, силу птиц
побеждающий клювом!
Вот и другой к жертвенникам несётся!
Лебедь! Не направишь ли ноги пурпурные
в другое место?
Фебова лира, тебе созвучная,
тебя не спасёт от моего лука!
Уносись прочь на крыльях!
Садись на озеро делосское!
Кровью прольёшь, если меня не послушаешь,
свои дивно звучащие песни!
А! А!
Что это за новая птица подходит?
Неужели будет плести под карнизом
гнезда своим птенцам?
Тебя прогонит звон тетивы!
Не послушаешься? Улетай к водоворотам
Алфея рожать птенцов
или к истмийскому лесу,
чтобы не осквернялись дары
и храм Феба <с прекрасным карнизом>!
Мне стыдно тебя убивать,
ведь ты возвещаешь речи богов
смертным. Но я буду прилежно трудиться,
Фебу служа, и не перестану
кормильцам своим угождать.

ХОР

<—>

Оказывается, не только
в божественнейших Афинах
есть дивноколонные жилища богов

и поклонения Агийею,
но и здесь, возле храма Локсия,
сына Латоны, лица близнецов-фасадов
льют свет из прекрасных глаз.

—
Смотри же, смотри внимательно!
Убивает лернейскую гидру
золотистым серпом сын Зевса.
Дорогая, взгляни своими глазами!

—
Я вижу. А рядом с ним кто-то другой
берёт огненный факел.
Не о нём ли мне рассказали,
когда я ткани пряла –
о щитоносце Иолае, который,
взяв на себя труды, общие
с Зевсовым сыном, исчерпал их до дна?

<—>
А на этого посмотри,
что сидит на крылатом коне,
умерщвляя огнедышащее
трёхтелое чудище!

—
Я и так повсюду взоры бросаю!
Погляди, как сгрудились Гиганты
на каменных стенах!

—
Мы смотрим на это, подруги!

—
А видишь над Энкеладом
потрясающую страшноглазым щитом...

—
Вижу Палладу, мою богиню!

—
А это что? Молния горит с обоих концов,
могучая, в руках Зевсовых,
всегда поражающих цель?

<—>
Я вижу! Враждебного
Мима огнём он сжигает в прах.

<—>
А Бромий, Вакх, не оружием,
но плющевым жезлом
убивает другого сына Земли!

<—>
Эй ты, возле храма, тебе говорю я:
можно <порог> святилища
белой ногой переступить?

<Ион>
Не позволено вам, чужеземки.

—
А от тебя-то можно слово услышать?

<Ион>
Что за слово ты хочешь?

—
Это правда, что в центре, над пупом земли,
Фебов дом расположен?

Ион
Он цветами увит, а на страже – Горгоны.

—
Так и молва сообщает.

Ион
Если жертвенный хлеб принесли вы для храма
и вам нужно у Феба о чём-то спросить,
к алтарю подходите, но в храм невозможно

— заходить, не пожертвовав богу овцу.
Я всё поняла. Закон божества
мы не хотим преступать.
И то, что снаружи, наш взор усладит.
Ион Так смотрите на всё, что закон позволяет.
— Разрешили мне господá
на святилище бога взглянуть.
Ион Вы рабынями числитесь дома какого?
— Жилище, в котором Паллада живёт,
моих питает властителей.
А вот и та, о ком вопрошаешь ты!

Ион <Приветствую тебя, царица! Облик твой>
исполнен благородства, и твои манеры
дают мне, женщина, понять, кто ты такая.
Обычно можно, наблюдая человека,
решить, высокого ли он происхождения.
А!
Я поражён. Закрыв глаза, ты увлажняешь
слезами щёки благородные свои
у входа в Локсиев молитвенный оракул.
Где все другие рады, созерцая божье
святилище, твои глаза полны слезами?

КРЕУСА

Ты, незнакомец, недостатка воспитанья
не показал, когда моим слезам дивился.
Увидев этот Аполлонов храм, я снова
перестрадала давнее воспоминанье.
Мой ум был там, хотя сама я здесь стояла.
О, женщины несчастные! О, дерзновенья
богов! Как быть? В каком суде искать нам правды,
когда убиты мы неправдой власть имущих?

Ион Зачем ты, женщина, так странно безутешна?
Кр. Да низачем. Мой лук уж выстрелил. О прочем
я помолчу, и ты никак не беспокойся.

Ион Ты кто? Откуда ты? И где твоя отчизна?
К тебе по имени какому обращаться?

Кр. Зовут меня Креусой, Эрехтей – отец мой,
а родина моя известна как Афины.

Ион Ты в славном городе живёшь, достойных предков
наследница! Я полон, женщина, почтенья!

Кр. Везёт мне в этом, незнакомец, но не больше.

Ион Поведай же, молю богами, это правда...

Кр. О чём так жаждешь, незнакомец, разузнать ты?

Ион ... что из земли, как говорят, твой прадед вырос?

Кр. Да, Эрехтоний. Мне мой род помочь не может.

Ион И подняла его с земли потóm Афина?

Кр. Руками девы, но не женщины родившей.

Ион Решив, чтоб мальчика, как видно по картинам...

Кр. Сокрытого от глаз, кормили Кекропиды.
Ион Я слышал, что ларец богини вскрыли девы.
Кр. Вот и погибли, край утёса окровавив.
Ион Ах вот как!
Ну а другой рассказ? Правдив он или ложен?
Кр. О чём вопрос твой? Я отвечу, время терпит.
Ион Отец твой Эрехтей, твоих сестёр заклал он?
Кр. Он жизни девушек пожертвовал отчизне.
Ион А как же из сестёр одна ты уцелела?
Кр. Была я на руках у матери младенцем.
Ион А правда твой отец лежит в земле разверстой?
Кр. Он посеидоновым трезубцем уничтожен.
Ион И взгорья там стоят, что «Макрами» зовутся?
Кр. Зачем ты спрашиваешь? Как ты тронул память!
Ион Их чтит пифийский бог и молнии Пифийца.
Кр. Честь, тоже мне! В глаза бы мне её не видеть!
Ион Как? Ненавидишь ты, что богу всех милее?
Кр. Оставь. В пещерах там позорный был поступок.
Ион Скажи мне, женщина: кто из афинян муж твой?
Кр. Мой муж не местный, из страны он чужеземной.
Ион Но кто? Он, верно, благородного рожденья.
Кр. Супруг мой – Ксуф, потомок Зевса и Эола.
Ион Но как пришелец на афинянке женился?
Кр. Есть город близ Афин, по имени Эвбея.
Ион Как говорят, он окаймлён текучей влагой.
Кр. Мой муж помог его разрушить Кекропидам.
Ион Копьём союзным? А потом тебя взял в жёны?
Кр. Приданным той войны, копья вознагражденьем.
Ион Ты с мужем или же одна пришла в оракул?
Кр. Я вместе с мужем. У Трофония он медлит.
Ион Как посетитель или ради прорицанья?
Кр. Его и Феба об одном пытается муж мой.
Ион Вас урожай интересуется или дети?
Кр. Бездетны мы, хотя уж много лет женаты.
Ион Ты не рожала и бездетной жизнь проводишь?
Кр. Феб о бездетности моей всю правду знает.
Ион Во всём везенье, только тут нет бедной счастья!
Кр. Но кто ты? Как тебя родившая блаженна!
Ион Зовусь я, женщина, и есть служитель бога.
Кр. Дар города иль был хозяином ты продан?
Ион Одно лишь ведаю, что «Локсиев» зовусь я.
Кр. Вот и тебе я, чужеземец, сострадаю!
Ион Ни мать моя, ни мой отец мне неизвестны.
Кр. Живёшь ты в храме или в доме по соседству?
Ион Мой дом – всё божье место, где бы ни заснул я.
Кр. Ты прибыл в храм ребёнком или же подростком?
Ион Младенцем, говорили те, кто вроде знает.
Кр. А молоком какой дельфийки был ты вскормлен?
Ион Не знал груди я никогда. Меня вырастила...
Кр. Кто, бедный? Я скорблю, и тут встречаю скорби!

Ион Я матерью своей считаю жрицу Феба.
Кр. А как ты вырос? И какой питался пищей?
Ион Кормился с алтарей, всегда тут ходят гости.
Кр. Злосчастлива мать твоя, кем быть ей ни пришлось бы...
Ион Сын женщины я обесчещенной, наверно.
Кр. Ты здесь накормлен и одет в хороший пеплос.
Ион Украшен божеством, которому служу я.
Кр. А ты найти своих родителей пытался?
Ион Я, женщина, и доказательств не имею...
Кр. Увы!
Другая женщина, как мать твоя, страдала!
Ион А кто она? Приятно бедами делиться.
Кр. В угоду ей сюда пришла я раньше мужа.
Ион А в чём нужда? Тебе я, женщина, помощник.
Кр. Оракул тайный получить от Феба нужно.
Ион Скажи какой, а я всё прочее устрою.
Кр. Тогда послушай. Нет, стыдливость не даёт мне!
Ион Тогда уйдёшь ни с чем. Богиня нерадива.
Кр. Подруга говорит, что возлежала с Фебом.
Ион Супругой Феба став? Не надо, чужеземка!
Кр. Родился сын. Её отец не знал об этом.
Ион Пустое! Стыдно ей, что смертному попалась.
Кр. Она твердит, что нет. И так страдает страшно!
Ион За что страдать ей, коли бог с ней сочетался?
Кр. За то, что унесла ребёночка из дома.
Ион Где брошено дитя? Оно свет солнца видит?
Кр. Никто не знает. Я спросить хочу оракул.
Ион Но если нет его, то как оно погибло?
Кр. Мать думает, бедняжку звери разорвали.
Ион Какое же тому свидетельство имеет?
Кр. Она вернулась ведь, но не нашла ребёнка.
Ион А разве были капли крови на тропинке?
Кр. Нет, говорит. Она всё место исходила.
Ион А много лет минуло с гибели младенца?
Кр. Когда бы выжил он, то был бы твой ровесник.
Ион Что если Феб его воспитывает втайне?
Кр. Неправ он, радость нашу общую присвоив!
Ион Итак, и бог неправ, и мать не знает счастья!
Кр. Она другого не смогла родить ребёнка.
Ион Увы, как слитно наши горести запели!
Кр. По бедной матери тоскуешь, чужестранец?
Ион Не заставляй меня крушиться о забытом!
Кр. Молчу. Но выполни, о чём тебя прошу я.
Ион А знаешь, где больное место этой просьбы?
Кр. Ах, где больного места нет у той несчастной!
Ион Зачем же богу разглашать свои секреты?
Кр. Но ведь для всей Эллады сел он на треножник!
Ион Стыдится он. Допытывать его не надо!
Кр. Томится та, кому досталась эта участь!
Ион Никто вопрос твой задавать не будет богу.

Злодеем выставлен в своём же доме, Феб
даст объявителю отведать огорчений
и будет прав. Ты это, женщина, оставь.
Нельзя гадать о том, что божеству противно,
и мы до крайнего невежества дошли бы,
богов пытаясь против воли их заставить
вещать о нежеланном, принося им в жертву
овец пред алтарём и наблюдая птиц.
Обязывая нежелающих богов,
мы нежелательные получаем блага.
Лишь то поможет, что они дают охотно.

Хор
Есть много смертных в этом мире, много судеб
различных очертаний, но сплошное счастье
едва ли кто отыщет в жизни человека!

Кр.
Ты там был, Феб, несправедлив, а ныне – здесь
к отсутствующей, чьи слова тебя достигли.
Не спас, как следовало, сына своего
и матери, хоть прорицатель, не ответишь,
чтоб, если нет его, почтён он был могилой,
а если есть, был найден матерью своею!
Мне нужно замысел оставить мой, раз бог
препятствует узнать мне то, что я желаю.
Но, чужеземец, вот супруг мой благородный
подходит, Ксуф. Покинул он уже пещеру
Трофония. О разговорах наших мужу
смотри не говори, чтоб не было мне стыдно
за тайную услугу и чтоб это дело
не развернулось вопреки моим желаньям.
Ведь доля женская томительней мужской:
порядочные перемешаны с дурными,
мы терпим ненависть. Для скорби родились мы.

КСУФ

Сначала бог пусть насладится первым цветом
моих приветствий, а потом и ты, жена!

Кр.
Моя задержка так тебя перепугала?
Ничуть. Меня застал в смятении ты. Скажи же,
какое предсказанье дал тебе Трофоний?

Кс.
Как нашим семенам смешаться детородным?
Себя не счёл достойным он опережать
вещанья бога, но сказал: ни я, ни ты
бездетными оракул этот не покинем.

Кр.
Владычица, мать Феба, сделай наш приезд
удачным! Пусть дела, которые мы в прошлом
с твоим имели сыном, станут поправляться!

Кс.
Конечно, станут! Кто же возвещатель бога?

Ион
Я здесь тружусь, снаружи, а внутри сидят
вблизи треножника другие, чужестранец,
знать Дельф – лишь те, кого указывает жребий.

Кс.
Прекрасно! Всё узнал я, что мне нужно было.

- Пойду теперь вовнутрь. Я слышал, что уже для всех пришедших жертву общую заклали пред храмом. Я желаю в этот самый день (раз он благоприятен) знать оракул бога. А ты, супруга, с лавроносными ветвями молись богам у алтарей, чтоб я отцом был наречён, дом Аполлона покидая.
- Кр. Всё будет, будет! Локсий, если пожелает, пусть хоть сейчас исправит прежние проступки, он полностью уже не будет нашим другом, но подчинюсь я (ведь он бог) его веленьям.
- Ион Зачем же эта посетительница вечно ругает бога непонятными словами? Из-за привязанности к той, о ком гадают? Утаивая то, что требует молчанья? Но что за дело мне до дочки Эрехтея? Она никто мне. К золотым пойду кувшинам и чистой влагою кропильницы наполню. Мне всё же Феба упрекнуть необходимо. Что это с ним? Насильем девушек склонять к сожительству? Бросать детей, тайком рождённых, на гибель беззаботно? Нет же! Власть имея, ты добродетели преследуй. Если смертный злодеем стал, его наказывают боги. Но честно ли для смертных составлять законы тому, кто сам повинен в полном беззаконьи? Когда бы (этого не будет, но скажу я) решили людям за насильственные связи и ты, и Посейдон, и Зевс, властитель неба, платить, вы храмы бы свои опустошили! За удовольствием гоняясь, вы преступно гнушаетесь благоразумьем. Хватит думать о людях плохо. Мы бессмертным подражаем в погоне за добром. Учителей вините.
- Хор Тебя, в муках родильных не вызывавшую к Эйлейфии, Афины мою, умоляю я, выпущенную Прометеем-титаном из самого темени Зевса! И ты, блаженная Ника, приди в дом пифийский, из олимповых золотых чертогов прилети к улицам этим, где Фебов очаг в самом центре земли, у треножника, обходимого в танце, предсказанья верные изрекает! Ты и дочь, родившаяся от Латоны –

обе девственные богини,
сёстры почтенные Феба.
Умолите его, о девы,
чтобы древний род Эрехтея
долгожданным счастьем в детях
ясные предсказания одарили!

Ведь обильного счастья
запас нетронутый
есть у тех смертных,
в чьих родовых чертогах
плодоносная юность детей
светом лучится,
чтоб наследственное богатство
перенять у отцов
и отдать своим детям.
Она – защита в бедах
и отрада во времена счастья.
Она копьём земле отцовской несёт
спасительную силу.
Прежде богатства и царских дворцов
желаю я обладать
нежной заботой усердных детей.
Бездетная жизнь отвратительна мне
и её ведущего я порицаю.
Вместе со скромным имуществом
да будут в жизни моей прекрасные дети!

О, жилище Пана
и скала, прилегающая
к обильным гротами Макрам,
где ритм отбивают ногами
три дочери Аглавры
на зелёной траве
перед Палладиным храмом,
напевая под изменчивые
всплески свирели,
когда ты играешь, Пан,
в своих пещерах, скрытых от солнца,
где некая девушка, матерью ставшая,
бросила ребёнка своего,
пищу Фебовым птицам,
зверям угощение кровавое,
постыдный плод горестной связи!
Ни за кроснами, ни в разговорах не слышала я,
что счастливы смертные, рождённые от богов.

Ион

Эй вы, женщины-служанки, подошедшие к ступеням
храма, полного курений, охраняя госпожу,
Ксуф покинул уж оракул и божественный треножник

или в храме вопрошает о бездетности своей?
Хор Он всё в храме, чужеземец, и пока ещё не вышел,
но, наверное, выходит. Слышим, двери заскрипели.
Вот хозяин появился! Ты его у входа видишь!

Кс. Здравствуй, сын! Лишь так пристало начинать с тобой беседу.
Ион Я-то здоров, и ты будь тоже, чтоб мы оба мирно жили.
Кс. Дай же руку поцелую! Дай сожму тебя в объятьях!
Ион Здоров ли ты? Твой ум, пришелец, замутнён каким-то богом?
Кс. Разве плохо целовать нам то, что нам всего дороже?
Ион Стой, не тронь! Веночек бога изорвёшь своей рукою!
Кс. Трону! Я ведь не грабитель! Я нашёл своё, родное!
Ион Уходи, пока тебе я грудь стрелой не продырявил!
Кс. Ты зачем же убегаешь от своей ближайшей крови?
Ион Не люблю гостей вульгарных, одержимых вразумлять я!
Кс. Убивай! Сожги и труп мой! Становись отцеубийцей!
Ион Как мне быть отцом ты можешь? Не смешно ли это слышать?
Кс. Нет. Позволь пойти рассказу, и тогда всё станет ясно.
Ион Что ты мне такое скажешь? Кс. Я отец тебе, ты сын мой!
Ион Кто сказал тебе? Кс. Сам Локсий, моего вскормивший сына!
Ион Ты ведь сам себе свидетель. Кс. Я узнал реченья бога!
Ион Обманулся ты загадкой. Кс. Разве слуха я лишился?
Ион Что же Феб тебе поведал? Кс. Тот, кого я повстречаю...
Ион Что за встреча, интересно? Кс. ... выходя из дома бога...
Ион Что такого с ним случится? Кс. ... он и есть мой сын родимый!
Ион Сын твой или дар всего лишь? Кс. Дар, но мною сотворённый.
Ион И меня ты встретил сразу. Кс. Никого, дитя, другого!
Ион Как же это получилось? Кс. Удивляемся мы оба!
Ион Кто же мать моя? Кс. На это я не знаю, что ответить.
Ион Феб смолчал? Кс. Я был так счастлив, что забыл спросить об этом.
Ион Мать моя – земля, наверно? Кс. Почва не родит потомства.
Ион Как же сын я твой? Кс. Не знаю, полагаюсь я на бога.
Ион Порассудим-ка иначе. Кс. Этак лучше будет, сын мой.
Ион Был ты в связи незаконной? Кс. Молодым я был и глупым.
Ион Прежде брака с Эрехтидой? Кс. Лишь тогда, потом ни разу.
Ион Значит, в тех краях зачат я? Кс. Время вроде совпадает.
Ион Как же я сюда попал-то... Кс. Я не знаю, что и думать.
Ион ...путь пройдя такой далёкий? Кс. Я и сам не понимаю.
Ион Ты ходил к скале пифийской? Кс. К факельным обрядам Вакха.
Ион Жил ты в доме у проксена? Кс. Он меня в кругу дельфиек...
Ион Посвятил, сказать ты хочешь? Кс. Представлял менадам Вакха.
Ион Был ты трезвым или пьяным? Кс. Негой Вакха распалённым.
Ион Вот и всё. Моё зачатье... Кс. ... сын, судьба нам прояснила.
Ион Как же в храме я нашёлся? Кс. Видно, девушкой подкинут.
Ион Рабства я избег. Кс. Теперь же обними отца, наследник!
Ион Да, не верить богу дурно. Кс. Наконец ты стал разумным!
Ион И чего ещё мне надо... Кс. Верно смотришь ты на вещи!
Ион ... ведь я сыном сына Зевса буду зваться. Кс. Непременно!
Ион Обниму отца, пожалуй? Кс. Повинуясь воле бога!
Ион Здравствуй же, отец! Кс. Как сладко речь такую мне услышать!

Ион Здравствуй, день, светящий ныне! Кс. Он меня блаженным сделал!

Ион Мать любимая, когда же и тебя я повстречаю?
Я стремлюсь к тебе всё больше, кем бы ты ни оказалась!
Может статься, умерла ты, и свиданье невозможно!

Хор Мы разделяем дома этого удачу,
однако мы и нашей госпоже желаем
счастливой в детях быть, и роду Эрехтея.

Кс. Дитя, бог правильно решил, позволив мне
найти тебя. Меня с тобой соединил он,
тебе же дал родню, которой и не знал ты.
Чего по праву жаждешь ты, и я желаю –
чтоб мать свою ты разыскать сумел, мой сын,
и я увидел давшую тебе рожденье.
Доверясь времени, её найдём, пожалуй.
Оставь ты землю бога и свою бездомность,
в Афины поезжай, с отцом во всём согласен,
тебя там ждут и счастье, и отцовский скипетр,
и много роскоши. Обоих избежишь ты
пороков: низкого рожденья и нужды,
прослыв и благородным, и весьма богатым.
Молчишь? Зачем глаза ты в землю опустил,
и в думы весь ушёл, и радость вновь оставил,
зачем в отцовскую ты душу страх вселяешь?

Ион Теперь мне вещи отдалённые, когда
к ним ближе подошёл я, видятся иначе.
Я происшедшее приветствую, конечно,
ведь я отца нашёл, но выслушай, отец,
мои соображенья. Славный род афинский
не пришлый, говорят, а созданный землёю.
Туда явившись, получу я два пятна,
ведь мой отец – чужак, и сам я – сын внебрачный.
Мишень для порицаний, буду я бессилен
и прослыву везде ничтожеством, нулём.
Пытаясь выбиться в ряды первейших граждан
и кем-то стать, лишь ненавидим буду я
власть неимущими. Что выше их, им горько.
У тех же, кто способны и сильны, но мудро
помалкивают и в дела людей не лезут,
я смех лишь заслужу и славу дурака,
за то, что не молчу в напуганной столице.
Ораторы же городские, коли я
на полномочья их позарюсь, оттеснят
меня голосованьем. Так, отец, бывает.
Ведь те, кто пользуются в городе почётом,
к соперникам своим враждебны чрезвычайно.
Допустим, в дом чужой пришёл я, чужеземец,
к твоей жене бездетной. Та, что разделяла
твоё несчастье, ныне будет обделённой,
свой горький жребий в одиночестве терпя.
И, правда, как же мне не быть ей ненавистным,

когда с тобою встану рядом я, а ей,
бездетной, радость мужа будет видеть горько?
Ты что, меня предашь, почтив супругу, или
мне честь окажешь, уничтожив свой же дом?
Ведь сколько способов убийства, сколько ядов
сыскали жёны, чтоб мужей своих губить!
К тому же мне, отец, твою супругу жалко,
стареющую без детей. Не заслужила
кровь благородная бездетностью страдать.
У тирании, восхваляемой напрасно,
фасад приятен, а внутри одна лишь горечь.
Да разве назовёшь блаженным и счастливым
того, кто в страхе, в ожидании ножа
влачит свой век? Да лучше я счастливым буду
простолудином, чем в тирана превращусь,
который рад с людьми негодными водиться,
а дельных ненавидит в страхе быть убитым.
Ты скажешь, золото всё это перевесит,
что сладко быть богатым. Что за страсть казну
под шум хулы стеречь? Не нужно мне терзаться,
желаю меры я, отсутствия печалей.
О благах здешних ты послушай же, отец.
Тут есть досуг, во-первых, друг людей ближайший,
тут хлопоты посильны, и меня с пути
злодей не сталкивает, ведь невыносимо
дорогу уступать тому, кто ниже нас.
Молясь богам, ведя со смертными беседы,
я радостным служил гостям, а не скорбящим.
Одних проводишь, а другие приезжают,
приятно новым быть лицом среди новых лиц.
А справедливость, коей следовать нам нужно,
хоть и невольно, по закону и природе
всегда со мной, на службе богу. Я считаю,
что лучше мне, отец, не то, а это место.
Позволь мне здесь остаться! Радость равномерно
присутствует в делах возвышенных и малых.

Хор

Сказал ты славно. Значит, милой госпоже
среди друзей твоих счастливой быть удастся.

Кс.

Ну, хватит говорить. Учись благополучью!
Хочу я там, где я обрёл тебя, дитя,
устроить общий пир, и всех созвать на праздник,
и поздней жертвою почтить твоё рождение!
Теперь я гостем отведу тебя в свой дом
и услажу обедом, а потом в Афины
возьму тебя, как посетителя, не сына.
Я, понимаешь, не желаю огорчать
жену бездетную своим внезапным счастьем.
Со временем, как случай выдастся, супругу
склоню к тому, чтоб ты наследовал мой скипетр.
Судьбе согласно назову тебя Ионом,

ведь ты, когда из храма бога выходил я,
мне первый встретился. Толпу друзей зови же
и, наслаждаясь мясом жертвенных быков,
со всеми попрощайся, Дельфы покидая!
А вам, служанки, я велю хранить молчанье.
Смерть будет тем, кто проболтается супруге!
Ион Пойду. В моей судьбе отсутствует одно лишь:
коль женщину, меня родившую, отец,
я не найду, мне жизнь не в жизнь. И если можно
о том просить, хочу я, чтоб она была
афинянкой и я имел свободу речи.
Когда чужак в тот чистый город попадает,
пусть на словах он гражданин, его язык
всё рабским остаётся, нет ему свободы.

Хор Я предвижу слёзы, и печальные
<восклицания>, и стонов нашествия,
когда моя госпожа узнает,
что муж её был осчастливлен сыном,
а она всё бездетна и оставлена без потомства.
Какое же, сын пророческий Лето,
предсказанье пропел ты?
Откуда мальчик, у твоего храма
вскормлённый, явился? Сын какой из женщин?
Не по душе мне пророчества эти, как бы коварства в них не было!
Боюсь я несчастья,
которое может нагрнуть.
Странное изречение бога
странные вещи мне сообщает.
Плетёт коварство и хитрость этот ребёнок,
вскормлённый врозь с его кровным родом.
Кто с этим не согласится?

Подруги, а может быть, владычице моей
пронзительно на ухо прокричать,
что муж её, с кем она все надежды
разделяла, несчастная...
Теперь она бредёт к напастям, он же счастлив,
она в седую старость падает, а муж
не проявляет к ней любовного почтения.
Ничтожество! Он с улицы явился в дом
весьма богатый, но не сохранил его достатка.
Да сгинет, сгинет он, так обманувший госпожу мою,
да не выгорит дело его, когда при богах
прекрасно пылающую лепёшку
на огне он жечь вознамерится! Он узнает мою
<преданность госпоже, он поймёт,
как я> приязненна к её правленью!
Уже близки к началу нового пира
сын и новый отец его.

О, хребты парнасской глыбы
со скалою, застывшей в небе,
где Вакх, в каждой руке подняв по зажжённому факелу,
ловко прыгает вместе с бродящими ночью вакханками!
Пусть никогда в город мой не придёт этот мальчик,
пусть он, день этот новый покинув, погибнет!
Иначе у города будет предлог для стенаний –
нашествие чужеземцев! <Уже ведь прогнал
от наших стен иноязычную свору, мощное войско>
собрав, прежний наш повелитель,
царь Эрехтей.

Кр. Наставник старый Эрехтея, моего
родителя, когда тот жил ещё на свете,
ты поднимись теперь в божественный оракул,
порадуйся со мною, если Локсий-царь
рождение детей нам предсказать изволил!
Приятно с близкими людьми делить удачу.
Но если, боже упасти, придёт беда,
то в благосклонные глаза смотреть отрадно.
Я госпожа твоя, но ты мне как отец,
и я люблю тебя, как ты отца когда-то.

СТАРИК

О дочь моя, достойные достойных предков
обычай ты соблюдаешь, не срамя
свой славный род, рождённый в древности землёю!
Тяни, тяни меня, веди меня до храма!

Тропа к оракулам крута, так стань моей
непрочной старости врачующей опорой!
Кр. Иди за мной! Смотри, куда ты ногу ставишь!
Ст. Вот так!

Влачатся ноги, ум же просится вперёд!

Кр. На палку обопрись. Извилиста дорога.

Ст. Слепа и палка, если глаз мой близорук.

Кр. Ты прав. Но не сдавайся, побори усталость!

Ст. Желание-то есть, но силы нет совсем!

Кр. Эй, женщины, у челноков моих и кросен
мне верно служащие! Есть ли у супруга
надежда на детей, цель нашего приезда?
Ответьте! Сообщив о чём-нибудь хорошем,
вы не забывчивой хозяйке угодите.

Хор О боже!

Ст. Не радостно звучит вступленье к вашей речи.

Хор О бедная!

Ст. Оракулы господ и мне сулят несчастье?

Хор Ай-ай! Что делать нам? Ведь наказание – смерть!

Кр. Вы что за песнь поёте, вы чего боитесь?

Хор Сказать ли? Промолчать ли? Как нам поступить?

Кр. Сказать! Тут весть плохая, видно, мне готова.
 Хор Тогда скажу, пусть даже дважды я умру!
 Не суждено тебе, владычица, в объятьях
 сжимать детей, не суждено давать им грудь!
 Кр. Умереть бы сейчас!
 <Ст.> Дочь моя! <Кр.> Ах, я бедная!
 Что за горе выпало мне, что за беду испытала я!
 Так жить невыносимо, подруги!
 Я погибла! <Ст.> Дитя!
 Кр. Ай-ай! Ай-ай!
 Сквозная боль поразила меня
 вовнутрь, в самые лёгкие!
 Ст. Ты не стнай, пока... Кр. Уже ведь льются слёзы!
 Ст. ... мы не узнаем... Кр. Что за весть должна узнать я?
 Ст. ... не разделяет ли с тобою наш хозяин
 несчастье это или ты одна страдаешь!
 Хор Ему, старик, ребёнка Локсий даровал,
 и он теперь ликует от жены отдельно!
 Кр. О новой беде ты вещаешь, вещаешь, на крайнее горе
 возлégшей, как тут не стенать!
 Ст. Что бог прорёк: от некой женщины родится
 ребёнок этот или он уже рождён?
 Хор Дал юношу уже подростого вполне
 её супругу Локсий! Я была при этом!
 Кр. Ты что говоришь? Что за страшные, страшные, неговоримые
 слова ты кричишь мне!
 Ст. И мне! Однако как исполнился оракул,
 яснее растолкуй. И кто ребёнок этот?
 Хор Того, кого супруг твой первого увидел,
 спеша из храма, бог ему назначил сыном!
 Кр. О-то-то-то-той! Говоришь, я бездетной, бездетной
 всю жизнь провлачу, проживу в запустении,
 в комнатах сирых!
 Ст. О ком оракул был? В чей след поставил след
 муж этой бедной? Как и где они видались?
 Хор Ты помнишь юношу, любимая хозяйка,
 что в храме подметал? Вот это он и есть.
 Кр. Улететь бы по эфиру влажному
 далеко от земли Элладской к западным звёздам,
 такое, такое несчастье я испытала, подруги!
 Ст. А вам известно, как его назвал отец?
 То тайна, может? Или нет ещё решенья?
 Хор Назвал «Ионом», ведь отца он встретил первый.
 Ст. Кто мать его? Хор Я не могу тебе ответить.
 Но муж её, теперь ты знаешь всё, старик,
 в честь сына жертву принести пошёл и тайно
 в шатре священном день его рожденья справить,
 с наследником пируя новообретённым!
 Ст. Ах, госпожа! Нас предали (мне тоже больно)!
 Над нами муж твой так злодейски надругался,

и нас теперь из Эрехтеева дворца
прогонят! Я не с ненавистью говорю
к хозяину, но с большею к тебе любовью.
Женившись на тебе, войдя пришельцем в город,
и дом он твой, и всё имущество присвоил,
а плод, ребёнка, взял у женщины другой
секретно. Я тебе секрет сейчас раскрою.
Поняв, что ты бесплодна, не был он готов
тебе подобным быть, твой жребий разделяя,
нашёл рабыню, тайно с нею сочетался,
ребёнка же послал какому-то дельфийцу
на воспитанье. Вырос тот, бродя у храма,
как жертвенная тварь, чтоб не было огласки.
Узнав, что сын подрос, муж убедил тебя
сюда наведаться с вопросом про бездетность.
Не лгал нам бог, но лгал нам этот человек.
Давно растя ребёнка, план такой он выплел:
коль обличат его, на бога всё валить,
а дома, ослабляя времени пытливость,
всю власть над государством сыну передать.
Ему он позже имя новое придумал –
Ион. Мол, мальчик сам пошёл к нему навстречу.

<Хор>

Ох, до чего же мне противны злые люди,
несправедливость затевающие, козни
плетушие! Пусть лучше честный дуралей
мне другом будет, чем подонок многоумный!

<Ст.>

А вот и самое чудовищное зло:
без матери, без положенья, сына некой
рабыни привести хозяином в твой дом!
Простым бы было зло, коль сына благородной
он матери вселил бы, с твоего согласия,
раз ты бездетна. Если же тебе то горько,
то лучше бы в роду Эола он женился.
Ты вот что, поступи, как женщине пристало.
При помощи меча, какой-нибудь уловки,
настоев ядовитых уничтожь супруга
и отпрыска, пока тебя не уморили!
Бездействуя, ты точно с жизнью разлучишься.
Коль два врага сошлись под кровлею одной,
то одному из них несдобровать придётся.
С тобою я желаю тоже поработать
и вместе мальчика прикончить, в дом прокравшись,
где он готовит пир, свой долг отдать владельцам
и либо сгинуть, либо жить, любуясь солнцем!
Единственная вещь приносит стыд рабам –
их имя. В остальном ничуть людей свободных
не хуже раб, который сердцем благороден.
И я, любимая хозяйка, в этом горе
помочь хочу, погибнув или с честью выжив!

Хор

Кр.

О душа моя, как промолчать мне?
Как же высветить брак этот мрачный,
как избавиться мне от позора?

На пути моём что за помеха?
В добродетели с кем я тягаюсь?
Не предателем стал ли супруг мой?
И детей я, и дома лишилась.
Прочь надежды на то, что достойно
всё уладится! Не получилось,
хоть о связи молчала
и о родах, обильных слезами.
Троном Зевса клянусь многозвёздным,
наши горы хранящей богиней
и Тритонского озера пышным
побережьем лазурным:
эту связь из груди я исторгну,
хватит прятаться, легче ведь станет!
Истекают из глаз моих слёзы,
исстрадалась душа от зловердства
и людей, и богов поднебесных!
Вот сейчас обличу я
всех предателей брачного ложа!

На кифаре играющий звонкой,
семиструнной, и рогом бездушным
создающий прекрасные песни,
гимны музам, звучащие стройно,
порицанье тебе, сын Латоны,
под лучами светила скажу я.
Подошёл ты ко мне, златовласый,
собирала я в пазуху платья
лепестки, чтоб украсить после
златосветлою их желтизною.
Стиснув рук моих белые кисти,
ты увлёл меня к ложу, в пещеру,
хоть надрывно кричала я: «Мама!»
Так, бессовестный бог,
мне супругом ты стал,
развлекаясь в угоду Киприде.
Родила я, несчастная, сына
и, страшась гнева матери, к ложу
возвратилась, ребёнка покинув
там, где слился на бедной постели
на беду ты с несчастной.
Горе мне! Птицам хищным
стал украденной пищей
мой ребёнок и твой!
Ты же, дерзкий, бренчишь на кифаре
и пэаны поёшь!

Эй, услышь, сын Латоны,
прорицатель спешащих
к золотистому трону
и седалищам в центре земли!
Обращаюсь я к свету дневному:
эх, сожитель негодный!
Никакого добра от супруга
моего не видав,
ввёл ты в дом его сына,
а ребёночек наш неизвестный
стал добычею птиц, из пелёнок
домотканных, у матери вырван!
Ненавистен ты Делосу, лавру
и роскошно раздавшейся пальме,
где Латона плод Зевса явила
в содроганьях священных!

Хор Увы, нам открывается бездонный кладезь
несчастий, от которых всякий зарыдает!

Ст. О дочь, не наглядись я на твоё лицо.
Совсем я заплутал! Не знаю, что и думать!
Едва волну напастей вычерпаю в сердце,
как снова мне корму слова твои вздымают!
Произнося их, ты от нынешнего горя
к другим уходишь бедам по дороге чёрной.
Что говоришь ты? В чём ты Локсия винишь?
Кого ты родила? Где труп, зверям приятный,
ты в городе бросала? Расскажи мне снова!

Кр. Стыжусь тебя, старик, однако всё раскрою.
Ст. Страдать с друзьями я умею благородно.
Кр. Так слушай! Макры ведь, киклоповые взгорья,
с пещерой, обращённой к северу, ты знаешь?

Ст. Да, знаю. Рядом храм и алтари для Пана.
Кр. Там я сразилась в ужасающем сраженьи.
Ст. Каким? На твой рассказ мои ответят слёзы.
Кр. Невольно связана несчастным браком с Фебом.
Ст. О доченька моя! Не это ль я заметил?
Кр. Не знаю. Но откроюсь, если скажешь правду.
Ст. Тайком стонала от болезни ты неясной.
Кр. Вот эти беды я тебе и проясняю.
Ст. А как ты утаила брак свой с Аполлоном?
Кр. Родив ребёнка. погоди, старик, послушай!
Ст. Но где? Кто принял роды? Ты одна страдала?
Кр. Одна, в пещере, где я браком сочеталась.
Ст. А где дитя, чтоб не была и ты бездетной?
Кр. Мертво, старик! Дано зверям на растерзанье!
Ст. Мертво? Злой Аполлон ему не стал защитой?
Кр. Не стал. Растёт ребёнок в доме у Аида.
Ст. Кто бросил мальчика? Не ты сама, конечно?
Кр. Сама, во тьме ночной, завёрнутого в пеплос!

Ст. Кто знал ещё о том, что брошен был младенец?
Кр. Об этом ведали Несчастье лишь и Скрытность.
Ст. Но как посмела ты дитя в пещере бросить?
Кр. Как? Изо рта потоки жалоб изливая.
Ст. Увы!
Дерзка отвагой ты, но бог намного дерзче.
Кр. Ты видел бы, как мой малыш ко мне тянулся!
Ст. Грудь хотел он или на руки просился?
Кр. Туда, откуда изгнан был несправедливо.
Ст. Но как решилась ты ребёночка отвергнуть?
Кр. Я думала, что бог спасёт своё потомство.
Ст. Увы, вот буря и сломала счастье дома!
Кр. Зачем, старик, покрыл ты голову и плачешь?
Ст. Тебя с отцом твоим несчастными я вижу.
Кр. Таков людской удел. Ничто не постоянно.
Ст. Но хватит жалобами, дочка, упиваться.
Кр. Что остаётся мне? Беспомощно несчастье.
Ст. Сначала ты с преступным богом рассчитайся.
Кр. Но как мне, смертной, с высшей силою тягаться?
Ст. Спалí огнём священный Локсиев оракул!
Кр. Боюсь я. Мне и так хватает злочлчений.
Ст. Тогда посильное сверши. Убей супруга!
Кр. Стыжусь я этого, ведь брак наш был достойным.
Ст. Тогда убей тебе навязанного сына!
Кр. Но как? Возможно ли? Ах, как бы мне хотелось!
Ст. Вооружи своих прислужников мечами!
Кр. Я так и сделаю. А где случится это?
Ст. В шатрах священных, где друзей он угощает.
Кр. Раскроется убийство, а рабы трусливы.
Ст. Как ты слаба! Давай, сама решай, что делать!
Кр. Один есть способ, и коварный, и надёжный.
Ст. И в том, и в этом я тебе слугою стану!
Кр. Так слушай! Знаешь ты о битве Землеродных?
Ст. Да, знаю. На богов пошли гиганты в Флегре.
Кр. Там Гея родила ужасную Горгону.
Ст. Чтоб сыновьям помочь и дать богам работы.
Кр. Всё так. Её Паллада, Зевса дочь, убила.
Ст. Не этот ли рассказ давным-давно я слышал?
Кр. Афина кожей монстра груди покрывает.
Ст. Зовут эгидой облачение Паллады?
Кр. За то, что ринулась она на бой бессмертных.
Ст. Но что за дикий вид у этого наряда?
Кр. Нагрудник, оснащённый кольцами ехидны.
Ст. Но как же, дочка, повредит врагам всё это?
Кр. Ты Эрихтония, старик, не знаешь разве?
Ст. Он первый предок ваш, землёю порождённый?
Кр. Когда родился он, ему дала Паллада...
Ст. Какую вещь дала? Не медли, говори же!
Кр. Две вытекшие из Горгоны капли крови.
Ст. Как действуют они на тело человека?

Кр. Одна убьёт, другая вылечит болезни.
 Ст. А как на детском теле капли он оставил?
 Кр. В браслете золотом. Его носил отец мой.
 Ст. Отец твой умер, и тебе браслет достался?
 Кр. Да, мне. Ношу его всегда я на запястьи.
 Ст. Но как же двойственный богинин дар устроен?
 Кр. Та кровь, что вытекла из поллой вены монстра...
 Ст. Что делать с ней? Какая сила в ней таится?
 Кр. ... болезни гонит прочь, содержит пищу жизни.
 Ст. Ты номер два упомянула. Что он может?
 Кр. Он убивает. Это яд гадюк Горгоны.
 Ст. Ты капли смешанными носишь или порознь?
 Кр. Раздельно. Злое с добрым несоединимы.
 Ст. Любимейшая дочь, ты всё уже имеешь!
 Кр. Вот мальчик и умрёт. А ты убийцей станешь.
 Ст. Но где и сделал что? Скажи, а я отважусь!
 Кр. В моём дворце, когда в Афины он приедет.
 Ст. Нет, плох твой план, и ты ведь мой не одобряешь.
 Кр. Как ты сказал? Моё ты делишь опасенье?
 Ст. Убийцей прослывёшь, не совершив убийства.
 Кр. Всё верно. Мачехи – враги потомству мужа.
 Ст. Ты здесь убей, где отрицать убийство можно.
 Кр. Заранее я предвкушаю наслажденье!
 Ст. Обманешь мужа там, где он в обман пустился!
 Кр. Ты сделай вот что. Ты с моей руки возьми
 браслет Афинин золотой, предмет старинный,
 пойди туда, где муж тайком приносит жертву.
 Когда обед закончат и начнут богам
 готовить возлиянья, спрячь браслет под пеплос
 и капни в чашу молодого человека,
 его лишь одного, питьё других не трогай,
 пусть выпьёт жаждущий царить в моих чертогах.
 Смочив тем ядом горло, он уж не приедет
 в Афины славные! Скончается на месте!
 Ст. Ты в дом друзей пока направь свои стопы,
 а я исполню мне назначенное дело.
 Вы, ноги старые, ступайте и в работе
 найдите юность, вопреки своим летам!
 Идите на врага и с госпожою вместе
 убейте, выбросьте захватчика из дома!
 Пускай счастливы почитают благочестье,
 когда же хочешь навредить своим врагам,
 пусть никакой закон пути не преграждает!

Хор Энодия, дочь Деметры,
 владычица ночных привидений,
 ты и при свете дневном
 наполни кратёры,
 приводящие к тягостной смерти,
 для тех, кому госпожа, госпожа моя посылает

капли из вскрытого горла землеродной Горгоны,
против того, кто Эрехтеидовым
домом овладевает –
пусть никакой пришлец
не царствует в городе,
кроме благородных Эрехтеид!

Но если не выйдет убийство и напрасны
старания госпожи, если случай не поддержит отвагу,
ныне надеждой несомую,
то она либо меч заострённый возьмёт,
либо в пётлю проденет горло,
страданьями страдания завершая,
спускаясь в иное обличье жизни –
ведь пришлецов чужеземных,
правлящих родом её,
она никогда не потерпит, покуда жива
под сияющими лучами,
рождённая в благородном доме!

Я стыжусь богатого гимнами бога,
если у струй Каллихоровых
неспящий юнец на двадцатые сутки
ночной факел зрителей увидит,
когда сам звёздный эфир Зевсов
начинает в хороводе кружиться,
и танцует луна
и пятьдесят дочерей Нерей,
в пучине морской
и завихреньях вечнотекущих рек
водящих свои хороводы,
почитая златовенчанную деву
и мать досточтимую –
а над этим надеется властвовать,
в дело других вторгшись,
Фебов бродяга!

Смотрите, вы все, с нескладными гимнами
идущие вниз по дороге музы,
воспевая наши постели
и Кипридовы связи, преступные, нечестивые,
насколько мы благочестием превосходим
неправое семя мужчин!
Пусть пение вспять обратится
и нескладная муза пойдёт на мужчин
за их любовные связи!
Ведь потомок Зевсовых сыновей
проявляет неблагодарность,
он общую прибыль детей
для дома не породил

с госпожой, но другой Афродите
оказав предпочтение,
незаконным сыном разжился!

СЛУГА

Эй, жёны славные, где дочь Эрехта,
моя владычица? Весь город я оббегал,
ища её, но так нигде и не увидел!

Хор А что стряслось, друг-раб? Зачем такое рвенье
в ногах твоих, что за известие несёшь ты?

Сл. На нас охота! Власти местные хотят
найти хозяйку и побить её камнями!

Хор Ой-ой! Что скажешь ты? Неужто нас поймали,
убийство тайное готовящих ребёнку?

Сл. Всё так! И ты разделишь горе не последней.

Хор Но как же наши козни тайные раскрылись?

Сл. Несправедливое повергла справедливость.

Бог всё изобличил, пятнаться не желая.

Хор Как это было? Расскажи мне, умоляю!

Со знаньем легче встретить гибель, если нужно,
и радостней на белом свете оставаться.

Сл. Божественное прорицалище покинув,
дарованного сына муж Креусы, Ксуф,
отвёл на пир, где он богам готовил жертвы,
а сам пошёл туда, где пламя Вакха скачет,
чтоб кровью жертвенной, в честь лицезренья сына,
дионисовы пики окропить двойные.

Сказал он: «Ты, дитя, будь здесь и проследи,
чтоб плотники шатры как должно натянули.

Коль, жертвуя богам рожденья, задержусь я,
пусть потчевать друзей пришедших начинают».

И, взяв телят, ушёл. А юноша пристойно
бесстенные ещё окружности шатров
шестами закрепив, надёжную защиту
от солнечных лучей и пламенного полдня,
и меркнувшего дня, в котором тает жизнь,
плетровые отмерил стороны квадрата,
имеющего площадь в десять тысяч футов,
как выразиться математики могли бы,
чтоб весь дельфийский люд на пиршество позвать.

Он из сокровищниц священные взял ткани,
расправил их, на заглядение смотревшим.

Сначала крышу затянул крылом накидки,
которую когда-то Зевсов сын, Геракл,
принёс в дар богу, отобрав у амазонок.

На ней такие были вытканы картины:

Уран в эфире собирает звёзды кругом;

коней мчит Гелиос к последнему огню

и за собой влечёт свет Геспера лучистый;

Ночь в чёрном пеплосе несётся в колеснице

без пристяжных, а звёзды следом за богиней;
идут Плеяды с меченосцем-Орионом
по небу, а вверху Медведица скользит
на золотом хвосте вокруг звезды полярной;
круг полнолунный, месяц надвое деля,
свет мечет вверх; там и Гиады, мореходам
вернейший знак, и светносная там Эос,
прочь гóнящая звёзды. По бокам же он
повесил и другие варварские ткани:
суда на крепких вёслах против флота греков,
и зверолюди там, и конные охоты
на быстрых ланей, и поимка львов свирепых.
У входа Кéкроп, с дочерьми своими рядом,
свивался в кольца, дар кого-то из афинян,
а в центре пиршественного зала золотые
стояли кратеры. Поднявшись во весь рост,
глашатай созывает местных, кто желает,
на пир. Когда людьми наполнился шатёр,
украшившись венками, душу пищей тучной
все стали насыщать. Когда же наслажденье
ослабло, то старик в средину зала вышел
и, сильный смех у пировавших вызывая
своим усердьем, начал воду из кувшинов
носить, чтоб мыли руки, мировую жечь
смолу и раздавать им чаши золотые,
назначив сам себе занятие такое.
Дошло до флейт, кратёр был общий принесён,
старик сказал: «Сосуды мелкие отсюда
убрать бы прочь и заменить их на большие,
чтоб эти люди побыстрее развеселились».
Поднялся шум. Вносили кубки золотые
и среброкованные. Взяв один, отборный,
старик вином его наполнил, угождая
владельцу новому, и, люди мне сказали,
в него яд сильный капнул, данный госпожою,
чтоб сын, едва найдясь, покинул эту землю.
Никто и не заметил. Кубок взял найдёныш
и приступил уже с гостями к возлияньям,
как слово бранное сказал один из слуг,
а мальчик в храме, средь речей высоких вырос,
и слово счёл плохой приметой, и велел
кратёр другой наполнить, божье возлиянье
на землю выплеснув, прося всех сделать то же.
Настала тишь. Пока водой мы наполняли
святые кратеры и библинским напитком,
в шатёр крылатая ватага голубей
нагрязнула (без страха в Локсиевом храме
живущая) и стала жажду утолять,
в разлитое вино обмакивая клювы
и горлами прекраснопёрыми глотая.

Почти для всех напитков бога был безвреден,
голубка же одна, вина вкусив, что вылил
наследник новый, тотчас дивным опереньем
затрепетав, зашлась, как буйная вакханка,
в невнятном крике. Вся толпа гостей смотрела
и ужасалась мукам птицы умиравшей.
Та вздрогнула, и когти на пурпурных лапках
обвисли. Над столом нагие вскинув руки
из-под плаща, наследник, богом возвещённый,
кричит: «Кто из людей убить меня пытался?
Рассказывай, старик! Ты слишком уж усерден,
из рук твоих ведь я напиток этот принял!»
Обыскивает старика он, ухватившись
за руку дряхлую, чтоб яд на том нашёлся.
Нашёлся. Старика заставили признаться
и в дерзости Креусы, и в подливе яда.
С гостями выбежал наружу тотчас отрок,
пифийским Локсием указанный, и молвит,
остановившись меж властителей дельфийских:
«Земля священная! Меня дочь Эрехтея,
иноплеменница, убить пыталась ядом!»
Вожди дельфийские двойным голосованьем
решили со скалы мою хозяйку сбросить
за то, что божьему слуге искала смерти
в самом святилище. Её весь город ищет,
с бедой спешащую по бедственной дороге.
Она явилась к Фебу, жажда детей,
но и себя сгубила, и своё потомство.

Хор

Нет, совсем нет спасения
бедной мне от гибели!
Ясным, ясным всё сделали
возлиянья Диониса,
кровь гадюки прядающей
в сок лозы подмешавшего.
Вот мы, жертвы аидовы!
Горем жизнь моя кончится,
жизнь хозяйки – камнями.
В бег крылатый пуститься ли,
скрыться ль в темень подземную
от камней убийственных,
гнать копыта быстрейшие,
четверной колесницы ли,
на корму ли вскарабкаться?

Нам не спрятаться, раз не угодно
богу выкрасть нас.
Госпожа моя бедная, как ты
пострадаешь душой! Мы хотели
ближним зло причинить, вот и сами

зло найдём. Это ведь справедливо?

Кр. Девушки, за мной погоня! Умертвить меня хотят по решению пифийцев! Я коварно предана!
Хор Знаем, бедная, о бедах, постигающих тебя!
Кр. Но куда бежать? Из дома наспех выскочила я и сюда примчалась тайно, выскользнув из рук убийц!
Хор Раз бежать, не к алтарю ли? Кр. Чем же он поможет мне?
Хор Здесь просителей не режут. Кр. Но закон меня казнит!
Хор Коли он тебя поймает. Кр. Горькие мои враги приближаются с мечами! Хор На алтарь скорей садись! Если ты на нём погибнешь, то зальёшь своих убийц кровью, требующей мщенья. Надо жребий свой нести!

Ион О, бычий облик прародителя-Кефиса, что за ехидну ты родил, что за дракона, глазами мечущего гибельное пламя! Всё дерзость в ней, она и капель не слабее горгоновых, которыми меня травила! Схватить её! Пускай нетронутые косы распустятся, на доли падая Парнаса, когда её, как диск, мы со скалы метнём! Мой гений мне помог, пока не оказался в Афинах я, под властью мачехи коварной! В кругу союзников твой ум измерил я, какое горе ты, какое мне злосчастье! Ты дома на меня набросила бы сеть и непременно бы в Аид меня послала! Но ни алтарь тебе, ни Аполлонов дом не даст спасенья. Больше жалости достойны мы с матерью моей. Она не здесь телесно, но мысль об имени её всегда со мною. Смотрите на плутовку! Как она коварство вплела в коварство! На алтарь упала божий, надеясь избежать расплаты за злодейство!

Кр. Не подходи ко мне! Убийство запрещаем и я, и бог, хозяин храма, где я встала!
Ион Чего же общего меж Фебом и тобою?
Кр. Я богу собственное тело посвятила.
Ион И божьего слугу травить хотела ядом?
Кр. Не Локсиев ты больше. Ты отца имеешь.
Ион Один мне стал отцом, другой же был им вечно.
Кр. Ты был дарован богу. Я тебя сменила.
Ион Не благочестна ты, а я был благочестен.
Кр. Враг дома моего погублен был бы мною!
Ион С оружием в твою я землю не вторгался!
Кр. Вторгался! Дом спалить хотел ты Эрехтеев!
Ион Какими факелами? Пламенем каким же?
Кр. Владения мои забрать намеревался!
Ион Ты за намеренье меня убить хотела?

Кр. Чтоб не погибнуть, если ты приступишь к делу.
Ион Отец меня нашёл, тебе ж, бездетной, горько!
Кр. Ты, стало быть, дома́ бездетных будешь грабить?
Ион Мне даст отец приобретённую им землю.
Кр. А что в стране Паллады делать Эолидам?
Ион Он защитил её оружием, не словами!
Кр. Союзнику не светит стать землевладельцем.
Ион Но разве я с отцом землёй не совладею?
Кр. Копьё и щит. Вот это всё твоё богатство.
Ион Покинь алтарь и богосозданное место!
Кр. Ты матерью, где б ни была она, командуй!
Ион Неужто ты за покушение не заплатишь?
Кр. Тебе в святилище меня придётся резать.
Ион Но что за радость средь венков скончаться божьих?
Кр. Чтоб оскорбивший оказался оскорблённым!
Ион А!
Ужасные законы бог назначил смертным,
несообразно, без влиянья мудрой мысли.
Преступников не на алтарь сажать он должен,
а гнать взашей! Нехорошо богов касаться
руке злодейской. Это дело рук достойных.
В святилище сидеть обиженным лишь нужно,
а не ходить, прося божественной защиты
и справедливым, и негодным без разбора.

ЖРИЦА

Постой, мой сын! Покинув молвящий треножник,
переступила через это ограждение
я, жрица Фебова, хранящая старинный
закон треножника, одна из всех дельфиек.
Ион Мать неродная, но любимая! День добрый!
Жр. Я так зовусь, и это имя мне не горько.
Ион Ты слышала о кознях этой душегубки?
Жр. Да, слышала. И ты неправ, что стал жестоким.
Ион Не нужно ли убийц предупреждать убийством?
Жр. Все жёны отвращенье к пасынкам питают.
Ион А пасынки злодейкам-мачехам враждебны.
Жр. Не будь таким. Покинув храм, в страну родную...
Ион Как поступить? Что ты советуешь мне сделать?
Жр. ... в Афины чист приди, с приметамы благими.
Ион Но всякий чист, кто гибель недругам приносит.
Жр. Не для тебя всё это. Слушай, что скажу я!
Ион Что ж, говори. Твои слова всегда во благо.
Жр. В руках корзинку я держу. Её ты видишь?
Ион Да, вижу старую корзину в белых лентах.
Жр. Я в ней тебя нашла, когда ты был младенцем.
Ион О чём ты говоришь? Рассказ уж это новый!
Жр. Хранила тайну я, но ныне всё раскрою.
Ион Зачем ты скрыла эту давнюю находку?
Жр. Хотелось богу, чтоб ты в храме был слугою.

Ион Уже не хочется? Но как в том убедиться?
Жр. Сказав, кто твой отец, тебя он шлёт отсюда.
Ион Тебе приказ был? Почему ты всё таила?
Жр. Решенье это заронил мне в душу Локсий.
Ион Решенье сделать что? Скажи, рассказ окончи!
Жр. До нынешнего дня хранить находку эту.
Ион Какая выгода мне в ней, какой убыток?
Жр. Там спрятаны пелёнки, ты был в них завёрнут.
Ион Ты их выносишь, чтобы мать мою нашли мы?
Жр. Так хочет божество, а раньше не хотело.
Ион Блаженный день, благословенный чудесами!
Жр. Возьми же их, ищи же мать свою усердно!
<Ион> Всю Азию я обойду и всю Европу!
<Жр.> Ты сам решаешь. По воле бога я вскормила
 тебя, дитя, и отдаю тебе все вещи.
 Желал он, чтобы я сама их, без приказа
 хранила. Почему он так желал, не знаю.
 Про эти вещи ни один не ведал смертный,
 ни что со мной они, ни где они хранятся.
 Теперь прощай! Тебя, как мать, я обнимаю.
 Тебя родившую искать начни отсюда:
 узнай, какая-нибудь девушка-дельфийка
 не родила ль тебя и в храм не принесла ли?
 Гречанка, может быть? Во всём тебе поможем
 и я сама, и Феб, судьбы твоей участник.
Ион Ах, боже мой! Из глаз моих струятся слёзы,
 умом я уношусь туда, где мать меня,
 плод связи неизвестной, выставила тайно,
 не дав мне и груди. Так жил я, безымянный,
 у бога в храме и обычным был слугою!
 Бог добрым был ко мне, судьба же оказалась
 тяжёлою. Когда в объятьях материнских
 я мог бы нежиться и жизнью наслаждаться,
 лишён я был заботы матери милейшей!
 Несчастлива и меня родившая, что так же
 страдает, потеряв отраду материнства.
 Теперь корзинку эту богу посвящаю я,
 чтоб не найти мне то, чего я не желаю,
 ведь если мать моя окажется рабыней,
 её мне лучше не найти, чем не признать.
 О Феб, в твоём я храме это посвящаю!
 Но что со мной? Веленью бога я перечу,
 который мне приметку матери сберёт?
 Я должен всё раскрыть, набраться дерзновенья.
 Того, что суждено, никак не миновать.
 Священные венки, завязки! От меня вы
 что скрыли, сберегая вещи дорогие?
 Гляди-ка! Крышка равнокруглая корзины
 по божьей милости совсем не обветшала,
 не видно плесени на прутьях. Между тем

немало лет она в святилище хранилась!
Кр. Что за явление нежданное я вижу?
Ион Молчи! Ты мне и раньше горе приносила!
Кр. Я не могу молчать! Не порицай меня!
Я вижу колыбель, в которой я младенцем
оставила тебя, сыночек мой родной,
в кикроповой пещере, в Макрах камнесводных!
Алтарь покину я, пусть даже и погибну!
Ион Схватить её! Гонима богом, соскочила
с алтарных идолов она! Связать ей руки!
Кр. Не стойте, режьте! Но схвачусь я за корзину,
и за тебя, и за хранимые в ней вещи!
Ион Ну не ужасно ли? Меня ещё и грабят!
Кр. Тебя любимые любовью одаряют!
Ион Я твой любимый? Жертва козней смертоносных?
Кр. Мой сын любимый! Что родителям ценнее?
Ион Верёвки брось плести! Я живо их поймаю!
Кр. Об этом и молю! Туда и мечу, сын мой!
Ион Пуста корзина ли? Наполнена ли чем-то?
Кр. Одеждами, в которых ты был брошен мною.
Ион И ты назвать их сможешь, прежде чем увидишь?
Кр. Смогу. А если нет, я умереть согласна.
Ион Так называй. Твоя решимость впечатляет.
Кр. Смотрите все! Я эту ткань сама соткала!
Ион Какую именно? Ткут девушки немало.
Кр. Неконченную. С челноком мой первый опыт.
Ион А что на ней? Меня ты этим не уловишь!
Кр. Горгона посреди основы покрывала.
Ион Владыка-Зевс, что за судьба за мною мчится!
Кр. Гадюками окаймлена, под вид эгиды.
Ион Смотри!
Нашёл я эту ткань! Права ты, как оракул!
Кр. О, давний труд станка и рук моих девичьих!
Ион Есть что-нибудь ещё? Ты всё уж угадала?
Кр. Две древние гадюки златочелюстные.
Ион Афиной данные, чтоб их носили дети?
Кр. Об Эрихтонии-отце напоминанье.
Ион А с ожерельем золотым, скажи, что делать?
Кр. Носить, мой сын, новорождённому на шее.
Ион Гадюки тут. О третьей вещи знать я жажду.
Кр. Венок я из оливы на тебя надела,
которую Афина на скале взрастила,
и, если это он, то зелен он и пышен,
и не поблек, дитя беспримесной оливы.
Ион Любимейшая мать, как рад тебя я видеть
и к радостным щекам припасть для поцелуя!
Кр. Мой сын, мой свет! Для матери ты ярче солнца
(пусть бог меня простит)! В моих руках ты снова,
нечаянно найденный! Я же считала,
что ты под землёй, меж теней, с Персефоной!

Ион Ах, мать любимая! Я тут, в твоих объятьях,
умерший для тебя, но смерти не познавший!

Кр. О, свет! О, простор золотого эфира!
Начну говорить ли? Кричать ли? Откуда
явилось нежданное счастье?
Откуда пришла эта радость?

Ион Я, мама, что угодно мог предположить бы,
но лишь не то, что окажусь твоим я сыном!

Кр. От страха ещё я дрожу!

Ион Что ты со мной и без меня? Кр. Ведь далеко я
надежды отбросила.
Эй, женщина! На руки где ты ребёнка
взяла моего?
Скажи, кто принёс его в Локсиев дом?

Ион Какой-то бог. Но насладимся же удачей,
хотя мы в прошлом и отведали несчастья!

Кр. Сынок, я тебя родила не без плача,
со стонущей матерью ты разлучился.
Теперь же, припав к милым щёчкам, дышу я,
блаженнейшее обрета наслажденье!

Ион Ты этим и мои описываешь чувства!

Кр. Уже не бездетна я и не бесплодна,
есть в доме очаг, есть цари в государстве,
и юн Эрехтей!
Наш дом землеродный в ночь больше не смотрит,
но вновь прозревает при факелах солнца!

Ион Здесь, мама, должен и отец быть, разделяя
ту радость, что я доставляю вам обоим.

Кр. Сыночек мой!
Ты что говоришь? Весь позор мой раскрылся!

Ион О чём ты? Кр. У тебя другой, другой родитель!

Ион Ах, горе! Я рождён от девушки, вне брака?

Кр. Не с факелами, не с весёлою пляской
был брак заключён,
сыночек, тебя породивший!

Ион Ай-ай! Я низкорожден, мама? Я откуда?

Кр. Свидетель – убийца Горгоны... Ион О чём ты?

Кр. ...которая дома, на скалах,
на взгорье, оливы родящем,
сидит... Ион Слова твои туманны, непонятны!

Кр. ... что там, у скалы соловьиной,
я с Фебом... Ион А Феб тут причём-то?

Кр. в объятиях тайных лежала...

Ион Заканчивай! Твои слова приносят благо!

Кр. ...в десятом же месячном круге
был Фебу ребёночек тайный.

Ион Милейшие слова, коль правду говоришь ты!

Кр. В пелёнки, работу девичью,
прервав челнока заблужденья,
тебя твоя мать завернула.

Тебе не дала молока я грудного,
тебя не помыла своими руками,
в пещеру пустынную бросила сына,
как тело для пиршества птиц остроклювых,
как жертву Аиду!

Ион Ужасно это, мать! Кр. Окованная страхом,
сыночек, твою я отринула душу!
Убила бы невольно! Ион Я же – нечестиво!

Кр. Ах, как тогда была судьба моя ужасна,
ужасна и теперь! Туда-сюда нас кружит
попеременно то несчастьем, то удачей
по воле шквалов!
Утихли бы они! Нам хватит прошлых бедствий.
Пускай, сынок, попутный ветер сменит бурю!

Хор Не стоит ничего именовать неожиданным,
узнав о том, что нынче здесь произошло!

Ион О ты, уже бесчётных бросившая смертных
из горестей опять в средоточенье благ,
судьба! Ведь как узка была черта меж мною
и казнью матери, и мукой несуждённой!
Подумать только!
Да разве нам дано в объятых светлых солнца
за день единственный так много узнавать?
В тебе я, мать, нашёл находку дорогую
и род, по-моему, нисколько не презренный.
Но я тебе одной сказать желаю что-то.
Иди сюда, ко мне. Шепну тебе на ухо
о тех вещах, что пусть покрыты будут мраком.
Смотри-ка, мама, ты не сбилась ли с дороги,
в связь тайную вступив, как девушки иные,
а после всю вину на бога возложила,
чтоб избежать стыда, рождённого со мною,
сказав, что Феб отец, зачав же не от бога?

Кр. Клянусь Афиной Никой, вставшей со щитом
у колесницы Зевса против землеродных:
никто из смертных не отец тебе, мой сын,
но Локсий-царь, тебя с младенчества вскормивший!

Ион Зачем же сына своего отцу другому
он отдал и сказал, что Ксуф родитель мой?

Кр. Родителем он не назвал его, а просто
тебя в подарок дал ему, как другу друг
даёт ребёнка, чтобы в доме был хозяин.

Ион Правдив ли бог? Не прорицает ли он ложно?
Не понапрасну, мать, мой разум потрясён.

Кр. Послушай же, сынок, что в голову пришло мне:
добра тебе желая, Локсий в благородный
тебя устроил дом. Назвавшись сыном бога,
ни дома получить в наследство ты не смог бы,
ни имени отца. Ведь я сама о браке
молчала и тебя тайком убить хотела!

Ион Заботой божьей ты отцу другому отдан.
Такой плохой ответ меня не успокоит,
я Феба сам спрошу, войдя в его обитель,
кто мой отец: какой-то смертный или Локсий.
А! Кто там из богов среди облаков курений
над храмом просиял солнцеподобным ликом?
Бежим отсюда, мать! Не будем на бессмертных
смотреть, пока на то не наступило время!

АФИНА

Не убегайте! Я не враг вам, чтоб спастись,
но и в Афинах вам, и здесь благоволю я!
Ваш край со мною имя делит. Я, Паллада,
пришла мгновенно к вам по просьбе Аполлона.
Он сам к вам на глаза не пожелал явиться,
чтоб не был разглашён упрёк за то, что было.
Меня послал он к вам сказать слова такие:
вот мать твоя, ты был зачат от Аполлона,
который дал тебя не твоему отцу,
чтоб в доме был ты благороднейшем пристроен.
Когда всё дело неожиданно раскрылось,
то он, боясь, что мать твоя тебя погубит,
а ты её, тебя уловками избавил.
Намеревался царь молчать об этом деле,
в Афинах же тебе о матери поведать,
что ею ты рождён и что отец твой – Феб.
Но нужно завершить мне и оракул бога,
услышьте, для чего впрягла я колесницу.
Взяв сына этого, в Кекропову страну
ступай, Креуса, и его на трон тиранский
там посади. Он ведь из рода Эрехтея
и может царствовать в моей земле по праву,
прославленный по всей Элладе. От него,
от корня одного, возрастут четыре сына,
они же станут эпонимами земле
и племенам, вокруг скалы моей живущим.
Гелéон же родится первым, от второго
<и третьего свои получают имена>
гоплеты и аргады, а моя эгида
название даст своим владельцам, эгикорам.
Их сыновья потом, когда наступит срок,
поставят города на островах кикладских
и на прибрежной суше, дав моей земле
могущество и на обоих побережьях
создав себе дома, в пределах азиатских
и европейских. Им в честь сына твоего
дадут прославленное имя ионийцев.
У Ксуфа и тебя родятся тоже дети,
сын первый – Дор, страны дорийской основатель,
в земле Пелоповой воспетой, а второй –

Ахей, который на побережье, близ Риона,
 тираном станет, и от имени его
 затем произойдёт название народа.
 Всё сделал Аполлон как следует: сначала
 без мук ты родила и втайне от родных;
 когда же ты запеленованного сына
 покинула, бог на руки велел Гермесу
 схватить младенца и сюда его доставить,
 вскормил его и дух исторгнуть не позволил.
 А ты молчи о том, что это твой ребёнок,
 чтоб Ксуф в приятном заблуждении пребывал
 и ты ушла отсюда, женщина, счастливой.
 Прощайте же! Отдохновенье от страданий
 и долю светлую вам ныне обещаю.

Ион О Паллада, дочь Зевса величайшего, я принял
 речь твою без недоверья. Истинно меня родили
 Локсий с нею. Я и раньше не был чуждым этой мысли.

Кр. Слушай же! Хвалю я Феба, хоть и не хвалила раньше,
 ведь он сына возвратил мне, не воспитанного мною.
 Как врата преобразились, как храм бога стал прекрасен
 и совсем уже не мерзок! Я теперь кольца дверного
 с наслаждением касаюсь, шлю вратам привет прощальный!

Аф. Молодец, что хвалишь бога, что к нему переменилась.
 Боги ждут подчас годами, но их руки не бессильны.

Кр. Сын, идём домой! Аф. Ступайте, я последую за вами!

Ион Нашей спутницей достойной. <Кр.> Любящей наш город славный.

Аф. Восседай на древнем троне! Ион Я владею им по праву!

Хор О, сын Зевса и Латоны, Аполлон! Прощай! Пусть каждый,
 если дом теснят несчастья, чтит богов и точно знает:
 добродетельным даётся под конец вознагражденье,
 а негодным их природа никогда не даст блаженства.

Брисбен, 13.09.2012 –15.04.2015